Елена Березина

Елена Березина
Обратный билет

https://litres.ru/74914949
SelfPub; 2026

Аннотация

Двенадцать лет назад Нину Сомову осудили за пожар, которого она не устраивала. Тогда ей было двадцать три. Она подписала чужие документы, не вчитавшись в них, и потеряла всё: свободу, доброе имя и возможность растить собственную дочь.

Теперь Нине тридцать пять. Она возвращается в родную Каменку, где её по-прежнему считают преступницей. Мать умерла, дочь выросла без неё и не спешит прощать, а прошлое хранит слишком много неудобных тайн.

Нине предстоит не только доказать свою невиновность, но и заново научиться быть матерью. Найти работу, вернуть доверие дочери и решить, хватит ли у неё сил остаться в городе, из которого когда-то хотелось только уехать.

Пронзительный роман о несправедливости, материнской любви и втором шансе. О том, что оправдательный приговор ещё не возвращает потерянные годы, а настоящую близость невозможно получить по решению суда.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Елена Березина
Обратный билет

Глава 1

Автобус тормозит у автостанции, и я встаю раньше, чем он останавливается. Двенадцать лет ездила на работу в шесть утра, привычка — вставать до того, как всё закончится.

Сумка одна. В ней свитер, зарядка, документы в файлике и хлеб, который я купила в дороге и не съела. Обратный билет лежит в кармане куртки, отдельно, чтобы не помялся. На четырнадцатое. Я его купила заранее, ещё в городе, потому что не знала, сколько тут пробуду, и хотела, чтобы был

Каменка стоит как стояла. Те же гаражи, та же остановка с расписанием, которое никто не читает, тот же ларёк с надписью «Продукты» и рулоном туалетной бумаги в витрине. Асфальт новый. Больше ничего не поменялось.

На похороны я опоздала на день.

Не специально. Мне позвонили в четверг, в обед, я была на смене, телефон лежал в шкафчике. Перезвонила вечером — Тамара, соседка, номер я узнала сразу, он у меня записан с прошлой жизни. «Нина, Валентины Петровны не стало». Я сказала: «Поняла». Она сказала: «В субботу, в двенадцать». Я взяла отгул, потом второй, потом купила билет на автобус,

который идёт через Володу, потому что прямого нет, а поезд один раз в сутки и в четыре утра.

Волода — это сорок минут стоянки. Я сидела на чемодане у закрытого киоска и смотрела, как мужик грузит в «Газель» ящики с яблоками. Яблоки были хорошие. Я думала: надо купить Соне яблок. Потом думала: она, может, их не ест.

***

От автостанции до дома двадцать минут пешком. Я иду и считаю шаги, потом сбиваюсь, потом начинаю снова. Кладовщик — это диагноз. Двенадцать лет назад я считала мешки, потом считала дни, теперь вот шаги.

У поворота на Мира стоит «Нива», из неё торчат ноги. Знакомые ноги.

— Нина? — Гриша вылезает, вытирает руки о штаны, потом смотрит на руки и вытирает их ещё раз, уже об воздух. — Ты, что ли?

— Я.

— Ну надо же. — Он улыбается так, будто мы вчера виделись. — Я думал, ты в Москве.

— В области.

— А, — говорит он. И всё. Ни одного вопроса, ни одного «а как там». Просто «а», и от этого у меня отпускает шея.

Он подвозит меня до магазина. По дороге рассказывает, что у него теперь шиномонтаж на выезде и что «Нива» — рабочая лошадь, которую он ненавидит и не продаст никогда. Я слушаю и молчу, и мне хорошо.

— Тебе тут не рады, — говорит он у магазина. Так же ровно, как про лошадь.

— Знаю.

— Я не в смысле «не ходи». Я в смысле — имей в виду.

— Учту.

Он кивает и уезжает. Я стою с сумкой и думаю, что за двенадцать лет научилась отвечать коротко, а он за двенадцать лет научился говорить правду без предисловий.

***

В подъезде пахнет тем же, чем пахло всегда: сыростью и чьим-то борщом. Наша дверь на втором этаже, обивка та же, дерматиновая, с ромбиками. Я достаю ключи. Их у меня три, и один — от этой двери, я его не отдала, когда уезжала, и мать не попросила.

Ключ входит и не поворачивается.

Я стою, дёргаю, пробую ещё раз. Дверь открывается изнутри.

— Долго будешь? — говорит Тамара. — Я тут с чайником сижу, у меня рука отсохла.

Она в нашей кухне. На столе — накрытая полотенцем кастрюля, тарелки, банка огурцов, которых мы никогда не солили. В квартире чисто и пахнет не мамой, а ею: кремом для рук и жареным луком.

— Я поела у себя, — говорит она. — Тебе поставила. Садись.

— Тамара Ивановна, я не голодная.

— Все так говорят, — отвечает она и наливает.

Я сажусь. Ем. Вкусно так, что я на секунду закрываю глаза, и это первая минута за трое суток, когда я не думаю ни о чём.

— Хоронили вчера, — говорит она, когда я допиваю. — Народу много. Заварзин приезжал, венки, всё как надо.

Я ставлю чашку.

— Она про меня что-нибудь говорила?

Тамара смотрит в окно.

— Она про тебя вообще не говорила. Двенадцать лет, Нина. Ни мне, ни в поликлинике, никому. Только Соне.

***

Соня приходит в девять.

Я узнаю её по звуку ключа — она вставляет и сразу поворачивает, без моей возни. Входит, видит меня, останавливается в дверях. Пятнадцать лет. Куртка не по погоде, кроссовки в грязи, наушники на шее, из них тихо шипит. Лицо мамино. Не моё — мамино, и от этого мне надо сесть, но я уже сижу.

— Привет, — говорю я.

Она смотрит на мою сумку у стены. Потом на кастрюлю. Потом на меня.

— Ты опоздала, — говорит она.

— Да.

— На день.

— Да.

Она проходит на кухню, ставит чайник, которого мы не

просили, достаёт кружку — свою, с отколотым краем, я её не помню. Стоит спиной. Я смотрю на её лопатки под футболкой и не знаю, куда деть руки.

— Соня, я приехала тебя забрать.

Чайник щёлкает. Она поворачивается, и я вижу, что она не злая. Она спокойная, как человек, который это уже решил и обдумал.

— Я с тобой не поеду, — говорит она. — Ты кто мне, вообще.

И уходит в комнату. Дверь она не хлопает. Закрывает тихо, и это хуже.

Я сижу на кухне. Тамара в коридоре надевает пальто и говорит что-то про «завтра зайду». Я киваю. В кармане куртки, на стуле рядом, лежит билет на четырнадцатое. Я его трогаю через ткань, как трогают синяк — проверить, ещё болит или нет.

Болит. Значит, ещё не всё.

Глава 2

Я не сплю.

Лежу в своей комнате, на своей кровати, накрытая своим же одеялом, которое мать сохранила, и не сплю. За стеной тихо. В квартире тихо так, как бывает только когда все легли и никто не хочет говорить.

В коридоре стоят тапки. Мамины, разношенные вбок, с продавленным задником. Я весь вечер об них спотыкаюсь и не могу переставить. Как переставишь — значит, можно.

Встаю, иду на кухню, наливаю воды из-под крана, потому что чайник меня почему-то пугает. Он у нас новый. Старый был эмалированный, с сколом на носике, я его помню лучше, чем мамино лицо за последний год.

На стене календарь. Не для красоты — рабочий, с загнутыми уголками, и на нём её почерком: «Соня — школа 8:00», «капли 3р», «хлеб», «оплатить», «Соня — репетитор 17:00». Двенадцать лет она писала в этот календарь то, что я должна была знать. И ни разу не позвонила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.